

вается. Этого требует не только христианская совесть, но просто джентельменское отношеніе къ противнику.

Искренно уважающій Васъ

Владиміръ Лосскій, Б. Ф.

23-го ноября 1935 г.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО Н. А. БЕРДЯЕВУ

Глубокоуважаемый Николай Александровичъ,

Въ третій разъ я берусь за перо, чтобы на этотъ разъ высказаться по поводу Вашей послѣдней статьи «Духъ Великаго Инквизитора» въ № 49-мъ «Пути». Кому-нибудь со стороны можетъ показаться даже смѣшнымъ, что я считаю какъ бы своимъ долгомъ откликаться печатно на каждую Вашу статью

Но сейчасъ, я дѣйствительно не могу молчать. Если я промолчу, то, мнѣ кажется, я своимъ молчаніемъ солидаризуюсь съ Вами въ Вашемъ отзывѣ о Русской іерархіи, о Русской Церкви, о Православіи. А съ этимъ не мирится моя совесть. Если съ другими Вашими статьями я могъ не соглашаться, то послѣдняя Ваша статья меня глубоко оскорбила и возмутила не только своимъ тономъ, отдѣльными выраженіями, но, главнымъ образомъ, Вашимъ отношеніемъ къ Церкви. Я былъ бы очень радъ увидѣть, что я ошибаюсь, что я не понялъ Васъ. Вотъ почему я и пишу Вамъ, въ надеждѣ, что Вы сможете разубѣдить меня. Если я понялъ Васъ не вѣрно, простите меня, но я долженъ сказать Вамъ то, что я думаю и что тяготитъ мою душу.

Вся Ваша статья дышетъ *высокомѣрнымъ пренебреженіемъ* къ Русской Церкви и ея іерархіи, и въ этомъ заключается ея глубоко обидный смыслъ. Если бы Вы сгоряча выбрали того или иного іерарха, или то или иное явленіе въ русской церковной жизни, это не было бы обидно — праведный гнѣвъ, какъ бы онъ ни былъ суровъ, всегда понятенъ и всегда прощителенъ. Но въ Вашей статьѣ звучитъ не праведный гнѣвъ, а *презрѣніе, осужденіе есей* русской іерархіи, *есей* русской Церкви. Вы какъ бы отдѣляете себя отъ Русской Церкви и противопоставляете себя ей въ своей праведности и высотѣ. И у меня невольно возникаетъ вопросъ — съ Церковью ли Вы, или противъ нея? Я былъ бы счастливъ получить отъ Васъ на

этотъ вопросъ ясный и успокоивающій отвѣтъ. Говорятъ, что Вы въ своей статьѣ выступаете поборникомъ праваго дѣла. Но развѣ можно защищать правое дѣло, возводя на другихъ неправду?

Я вспоминаю близкаго Вамъ Ф. М. Достоевскаго. И онъ иногда очень рѣзко говорилъ о Русской Церкви и объ отдѣльныхъ представителяхъ ея клира. Но у него сквозь рѣзкія слова всегда чувствовалась искренняя любовь къ Церкви, *въра въ нее*. Онъ видѣлъ въ ней сердце, весну духовной жизни русскаго народа и признавалъ, что Церковь сохранила въ русскомъ народѣ чистый Ликъ Христовъ во всей его неповрежденности.

Такого отношенія къ Русской Церкви нѣтъ въ Вашей статьѣ.

Я, какъ и Вы, осуждаю указъ м. Сергія, но по другимъ соображеніямъ. Я не раздѣляю Вашего мнѣнія, что *свобода* есть высшая цѣнность.

Высшею цѣнностью жизни является не свобода, а *истина*, ибо только истина обезпечиваетъ подлинную свободу (Іоан. VIII. 32). Кромѣ того, я не нахожу, что церковная іерархія совершаетъ посягательство на свободу, когда указываетъ неправду того или другого богословскаго мнѣнія и предостерегаетъ паству отъ принятія этого мнѣнія. Іерархія не только имѣетъ право, но и обязана охранять чистоту церковнаго ученія и бороться съ его засореніемъ неправильными мнѣніями.

Въ этомъ заключается одна изъ ея основныхъ обязанностей, и эта обязанность неоднократно указана ей и самимъ Іисусомъ Христомъ, и Апостолами. И если бы іерархія перестала говорить, то оказалось бы, что въ Церкви имѣетъ право говорить каждый, только не іерархія.

Неправда м. Сергія не въ томъ заключается, что онъ поднялъ голосъ въ защиту истины, а въ томъ, что онъ заговорилъ о предметѣ, съ которымъ не ознакомился предварительно. Это первое. А вторая его неправда, какъ и неправда Карловацкаго Собора, заключается въ томъ, что они поторопились со своимъ заключеніемъ. Они произнесли судебный приговоръ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ необходимо было произвести предварительно всестороннее и благожелательное разсмотрѣніе оспариваемаго вопроса. Вѣдь и самъ авторъ оспариваемыхъ богословскихъ мнѣній не упорствуетъ въ ихъ непогрѣшимости и готовъ выслушать ихъ критику. Какая же была необходимость ставить его въ положеніе подсудимаго и требовать отъ него признанія своей вины и покаянія?!

Однако неправда отдѣльныхъ іерарховъ и есть только ихъ личная неправда, а не неправда всей Русской Церкви, или всего Православія. Между тѣмъ Вы ставите вопросъ о

«возможности мысли въ Православіи», Вы спрашиваете: «Есть ли Православіе религія свободы духа, или инквизиціонный застѣнокъ?» Вы обвиняете всю русскую іерархію въ приписываніи себѣ «непогрѣшимости, превышающей папскую непогрѣшимость». Вы иронизируете, что «нужно быть лавочникомъ или консисторскимъ чиновникомъ», (т. е. человѣкомъ невѣжественнымъ или формалистомъ) для того, чтобы усваивать «тайны Православія», и забываете, что именно «лавочники» не разъ спасали Православіе въ тяжкія эпохи русской церковной исторіи. Вы называете православіе русской іерархіи «рабьей и темной религіей», и противопоставляете ему русскую религіозную мысль конца XIX и начала XX вѣка, безъ которой все русское церковное прошлое представляется Вамъ «пустыней»... Но такъ ли это? Никто, знающій, любящій и цѣнящій Русскую Церковь не назоветъ «пустыней» то прошлое русскаго народа, гдѣ сіяютъ труды и подвиги Кіево-Печерскихъ иноковъ, государственная дѣятельность такихъ князей, какъ св. Александръ Невскій, миссіонерскіе труды Леонтія Ростовскаго, Стефана Пермскаго, или Иннокентія, митрополита Московскаго, дѣятельность Западно-русскихъ братствъ, подвиги Сергіевъ Радонежскихъ, Серафимовъ Саровскихъ, русское старчество XIX вѣка и т. д. Правда, у насъ не было *книжной* религіозной философіи, но мы не были лишены *жизненной* религіозной философіи, *жизненной* религіозной мудрости и своеобразной духовной православной культуры, свѣтившей русскому народу изъ монастырскихъ келій.

Бога, какъ Вы и сами утверждаете въ книгѣ «Я и міръ объектовъ», можно познавать не только научно, объективно, внѣшнимъ образомъ, путемъ разсудочныхъ умозаключеній, но и субъективно, внутреннимъ непосредственнымъ воспріятіемъ, чистымъ сердцемъ и подвигомъ вѣры. Этимъ именно послѣднимъ путемъ преимущественно и познавался Богъ въ Русскомъ Православіи, хотя оно не чуждо было и виѣшняго богопознанія. Весь этотъ многовѣковый періодъ внутренняго познаванія Бога и жизни въ Богѣ для Васъ какъ будто не существуетъ и подлинная религіозная жизнь начинается въ Россіи только съ конца XIX вѣка, съ появленія новой религіозной философіи. Такое Ваше утвержденіе равносильно отрицанію Русской Церкви. Вы упрекаете м. Сергія въ томъ, что онъ односторонне понимаетъ смыслъ Боговоплощенія, рассматривая его исключительно, какъ дѣло спасенія, а не какъ продолжающееся міротвореніе. Христіанская Церковь всегда признавала и признаетъ, что Сынъ Божій сошелъ съ неба на землю «насъ ради человѣкъ, и нашего ради спасенія». Самъ Іисусъ Христосъ говорилъ о Себѣ, что Онъ пришелъ «взыскать и спасти погибшихъ». Эту истину исповѣдуетъ каж-

дый христіанинъ, приступая къ Св. Чашѣ: «Вѣрую, Господи, и исповѣдую, яко Ты еси во-истину Христось, Сынъ Бога живаго, пришедый въ міръ грѣшныя спасти, отъ нихъ же первый есмь азъ». Эту радостную для грѣшника истину спасенія Вы называете «утилитарнымъ пониманіемъ христіанства», и утверждаете, что «сведеніе всего христіанскаго міросозерцанія къ сотериологіи даетъ возможность укрѣплять организацію власти». (?) По Вашимъ словамъ «за этимъ скрыты инстинкты господства и власти». Искажая смыслъ глубочайшаго и трогательнѣйшаго догмата Боговоплощенія, Вы этимъ несомнѣнно содѣйствуете разложенію правильнаго пониманія христіанства въ русскомъ обществѣ и въ русской молодежи. Истину великой тайны нашего спасенія черезъ боговоплощеніе Вы подмѣняете теоріей міротворческаго процесса.

Вы ставите въ укоръ м. Сергію и упоминаніе о вѣчныхъ адскихъ мукахъ, ученіе о которыхъ будто бы «всегда было опорой власти, господства и религіозной тираніи». Но вѣдь Вы сами знаете, что ученіе объ адскихъ мукахъ не есть выдумка церковной іерархіи, а совершенно ясныя евангельскія слова (Мф. XXV. 46).

Затѣмъ, Вы переходите къ «основному вопросу объ ортодоксіи и ереси», и говорите, что «эти понятія носятъ соціологическій характеръ. Ортодоксія есть религіозное сознаніе коллектива, и за ней скрыто властвованіе коллектива надъ своими членами. Это есть организованное господство рода надъ индивидуумомъ». Можетъ быть въ извѣстныхъ случаяхъ Вы и правы: ортодоксія и ересь получаютъ классовый характеръ и выражаютъ традиціонное мнѣніе господствующаго большинства съ одной стороны, и самостоятельное, свободное сужденіе меньшинства съ другой стороны. «Еретиками» оказываются люди живые, не мирящіеся съ общепринятой бездушнoй рутиной и подвергающіеся за это гоненіямъ. И въ этихъ случаяхъ названіе «еретика» пріобрѣтаетъ даже лестный характеръ, свидѣтельствуя объ оригинальности, независимости и смѣлости человѣка, выступающаго противъ установившейся традиціи.

Однако этотъ смыслъ понятія ортодоксіи и ереси не имѣетъ никакого отношенія къ Православію. Въ Православной Церкви подъ именемъ Православія (которое въ этомъ случаѣ надо отличать отъ термина «ортодоксія») разумѣтся вѣрность чистому, непримѣсному ученію Церкви; подъ именемъ же ереси разумѣтся отступленіе отъ чистоты церковнаго ученія и его искаженіе. И то и другое, т. е. и Православіе и ересь опредѣляются въ Церкви по признаку истины, а не по признаку большинства или меньшинства голосовъ, а также и не по классовому признаку. Поэтому въ исторіи Церкви бывали слу-

чай, когда Православіе представлялось однимъ человѣкомъ (Василіемъ Великимъ, Максимомъ Исповѣдникомъ и др.), а на сторонѣ ереси было подавляющее большинство и сама императорская власть. И все таки Православіе оставалось Православіемъ, т. е. истиной, а ересь оставалась ересью, т. е. ложью.

* * *

Я не могъ не высказать Вамъ всѣхъ этихъ моихъ недоумѣній и вопросовъ, вызванныхъ Вашей послѣдней статьей, и я буду Вамъ очень благодаренъ, если Вы отвѣтите мнѣ на нихъ также охотно и обстоятельно, какъ Вы и раньше мнѣ отвѣчали, и, главное, отвѣтите на самый мучительный для меня вопросъ — съ Русской ли Вы Церковью, или противъ нея?

Глубокоуважающій Васъ Протоіерей

Сергій Четвериковъ.

1936. 2. III.